

К. В. Анисимов

**ИСТОРИОСОФСКАЯ ПОЗИЦИЯ И. А. БУНИНА 1910-х гг.:
ТОЛСТОВСКИЕ АЛЛЮЗИИ В «СУХОДОЛЕ» (опыт комментария)**

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2=411.2)53

Предметом рассмотрения в статье становится историсофская позиция И. А. Бунина 1910-х гг., которая является во многом полемическим откликом на доктрину национальной жизни, сформулированную Л. Н. Толстым в романе «Война и мир». К сравнению привлекаются сюжетно-мотивные блоки, репрезентирующие ситуации отбытия на войну офицера, оставляющего свою супругу беременной, а также приезда наследника имения домой в компании со своим другом-офицером, который впоследствии сватается к одной из представительниц принявшего его в качестве гостя семейства. Как в общем своем структурном виде, так и на уровне частных деталей данные составляющие сюжетно-мотивной поэтики «Суходола» совпадают с соответствующими эпизодами толстовского романа. В исследовании учитываются как фрагментарные отличия сопоставляемых мотивных групп, хронологические смещения, к которым прибег Бунин, опиравшийся в качестве источника одновременно и на толстовский роман, и на историю своего отца и дяди, так и общий контекст полемики Бунина с Толстым о характере и исторических «ритмах» развития России в начале — второй половине XIX в.

Ключевые слова: *И. А. Бунин, повесть «Суходол», Л. Н. Толстой, роман «Война и мир», сюжет, мотив, интертекстуальность*

Отношение И. А. Бунина к Л. Н. Толстому, как показано в работе Е. Р. Пономарева, суммирующей многолетние штудии в этой области, напоминало не столько пробуждающий к жизни любую интертекстуальность интерес к предшественникам, наследие которых, подобно эху, «оживало» в тексте данного автора, самоопределявшегося в их символическом окружении, сколько своего рода Obsession, темпераментную самопроекцию на образ своего «учителя». Исследователь подчеркивает: «...восхищение Бунина Толстым далеко выходит за пределы обычного преклонения молодого писателя перед литературным мэтром».¹ Впрочем, проявившаяся позднее значительность эстетических достижений самого Бунина делала декларируемое им стремление «подражать» Толстому «самым бессовестным, самым беззастенчивым образом»² немного лукавой, а точнее — нереализуемой установкой. В дело

вступало хорошо известное литературоведам стремление «переписать», полемически переиначить, приспособить реципируемый эталон «под себя».³

Интертекстуальная поэтика программно-произведения Бунина «Суходол» (1911) дает аналитику немало показательных примеров этой художественно-идеологической стратегии. Несколько лет назад мы предположили, что некоторые сюжетные повороты повести, при всей их укорененности в быту и своеобразной мифологии бунинского семейства,⁴ восходят к наследию Толстого, прежде всего к его автобиографической трилогии⁵ и роману «Война и мир».⁶ Зафиксированные В. Н. Муромцевой-Буниной, преданным биографом писателя, эти сведения переносятся на страницы «Суходола»

¹ Пономарев Е. Р. И. А. Бунин и Л. Н. Толстой: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2000. С. 95.

² Бабореко А. К. Бунин о Толстом // Яснополянский сборник. Статьи и материалы. Год 1960-й. Тула, 1960. С. 131.

Анисимов Кирилл Владиславович — д.филол.н., профессор кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации, Сибирский федеральный университет (г. Красноярск), в.н.с., Институт истории и археологии УрО РАН (г. Екатеринбург)
E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

³ Подробнее об этом аспекте бунинской поэтики см.: Марченко Т. В. Переписать классику в эпоху модернизма: о поэтике и стиле рассказа Бунина «Натали» // Изв. РАН. Сер. литературы и языка. 2010. Т. 69. № 2. С. 25–42.

⁴ См. об этом в комментарии к «Суходолу»: Бунин И. А. Собрание сочинение: в 6 т. М., 1987. Т. 3. С. 620, 621. Далее в тексте статьи цитируется это издание с указанием тома и страницы в скобках. О легендарном характере целого ряда биографических известий о предках писателя см.: Гончаров Ю. Воспоминания Паустовского. Предки Бунина. Воронеж, 1972. С. 148, 149.

⁵ Трилогия Толстого была прочитана Буниным еще в детстве. См.: Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь с Буниным. Беседы с памятью. М., 2007. С. 35.

⁶ См.: Анисимов К. В. Толстовские мотивы в «Суходоле» И. А. Бунина // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. Гуманитарные науки. 2009. № 4 (66). С. 199–207.

словно сквозь призму толстовского текста. При этом моментом, заставляющим нас атрибутировать данные мотивы как восходящие к Толстому, является социоисторическая программа Бунина 1910-х гг., соотносящаяся с историософскими построениями создателя «Войны и мира» по принципу инверсии,⁷ — в противном случае биографическая подоплека многих сюжетных элементов «Суходола» создала бы эффект повтора, удвоения эмпирики в сфере художественного и остановила бы анализ на стадии констатации окказиональных совпадений либо утилитарного насыщения фабулы знакомыми автору с детства подробностями.

Так, в отличие от только что написанной «Деревни» (1910), «Суходол» отчетливо ориентирован на ключевые для русской истории и образцово воспроизведенные Толстым эпохи — 1850-е гг. и 1812 г. В сознании самого Толстого оборона Крыма в 1854–1855 гг. и Отечественная война 1812 г. образовывали отчетливую символическую пару. «Состояние, два раза повторившееся для России в XIX-м столетии: в первый раз, когда в 12-м году мы отшлепали Наполеона I, и во второй раз, когда в 56-м году нас отшлепал Наполеон III», — эти слова включены в преамбулу к роману «Декабристы».⁸ В «Суходоле» Бунин словно повторяет своего кумира: текст содержит упоминание о «французах бонапартишкиных» (III. 141), а Крымская война определяет сюжет повести, в которой братья Хрущевы отправляются «охотниками» (добровольцами) в Крым (отец Бунина Алексей Николаевич действительно был ветераном Севастопольской обороны и знакомцем артиллерийского офицера Л. Н. Толстого). Примечательно, что свое место в этих историософских координатах находит и, казалось бы, сугубо «достоевский» мотив убийства отца (Петра Кирилловича) его незаконнорожденным сыном-лакеем (Герваськой)⁹ — вспомним, что герой «Братьев Карамазовых» отцеубийца Смердяков упомянул Наполеона I и Наполеона III в своих знаменитых «пацифистских» излияниях Марье

Кондратьевне об армейской службе и Отечественной войне.¹⁰

Примером, на котором можно продемонстрировать характерное для Бунина наложение частного эмпирико-автобиографического источника на обширный национально-исторический нарратив, является малозаметная деталь внешности второстепенного персонажа «Суходола» — жены Петра Петровича Клавдии Марковны. Она была женщина «маленькая, крикливая, с черными усиками...» (III. 151). В. Н. Муромцева-Бунина отмечает, что женой Николая Николаевича (брата Алексея Николаевича) была Христина Андреевна, «полная с усиками жизнерадостная женщина».¹¹ В рассказе о семье суходольских «бар Хрущевых» образ Клавдии Марковны, очевидно, восходит к Христине Андреевне, однако фрагмент сюжета, в котором она фигурирует, отсылает читателя словно через голову неизвестных ему бытовых мелочей из жизни бунинского семейства к роману «Война и мир».

Муж Клавдии Марковны Петр Петрович Хрущев, поехав «охотником» в Крым, был там ранен и долго не мог вернуться домой. В его отсутствие жена родила сына. Воспринимая «Суходол» словно «на фоне» классики XIX в., что, учитывая стратегию бунинской интертекстуальности, в первую очередь требуется от читателя, можно заметить едва уловимые смещения, кренищие достоверные сведения из истории рода Буниных к фикциональности литературного письма. Во-первых, женщина «с усиками», как ее запомнила В. Н. Муромцева-Бунина, была «полной». В «Суходоле» она «толстая, маленькая, с седенькой бородкой» (III. 120) — в реальном времени рассказчика; «маленькая, полная, очень живая, беременная» (III. 144) — в ретроспекции сюжета. Во-вторых, в повести конкретизирована внешность ее супруга Петра Петровича, обладателя «очаровательных» глаз и маленьких рук и ног (III. 132, 137). Молодой красивый офицер, раненный в сражениях с французами (Крымская кампания трактуется в «Суходоле» исключительно как русско-французская война), долго не возвращавшийся домой, приехавший тогда, когда его «маленькая» «с черными усиками»

⁷ Давно отмечено, что социоисторическая позиция Бунина по отношению к Толстому была позицией оппонента. См.: Спивак Р. С. Русская деревня в изображении И. А. Бунина и Л. Н. Толстого // Вестн. МГУ. 1969. Сер. X. Филология. № 3. С. 44.

⁸ Толстой Л. Н. Декабристы // Толстой Л. Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 17. М., 1936. С. 8.

⁹ Специально об этом см.: Елисеев Н. Л. Бунин и Достоевский // И. А. Бунин: Pro et contra. СПб., 2001. С. 694–699.

¹⁰ Подробнее о «наполеоновской» теме «Братьев Карамазовых» см. в: Подосокорский Н. Н. Картина наполеоновского мифа в романе «Братья Карамазовы» // Роман Ф. М. Достоевского «Братья Карамазовы». Современное состояние изучения. М., 2007. С. 98–114.

¹¹ Муромцева-Бунина В. Н. Жизнь с Буниным. Беседы с памятью. С. 74, 75.

«полная, очень живая» жена уже родила ему сына — всё это, за вычетом нескольких мотивов (смерти от родов и одновременного с этим событием приезда выздоровевшего мужа), неизбежно будит воспоминание о толстовском князе Андрее (у которого были прекрасные глаза, а также маленькие руки и ноги) и его «маленькой княгине» Lise («хорошенькая, румяная, слишком полная по своей молодости, маленькая княгиня Болконская» — так она охарактеризована при своем появлении на страницах романа¹²). На «атомарном» уровне характеристик образов находим еще один примечательный штрих: при первой встрече с рассказчиком Клавдия Марковна вяжет «нитяной носок» (III. 120) — вспомним здесь о знаменитой «работе» Lise Болконской, с которой она предстает перед читателем в салоне Анны Шерер.

Обратим внимание также на хронологические несовпадения. Бунин сначала говорит о том, что «женился Петр Петрович, и отправились братья “охотниками” в Крымскую кампанию» (III. 143), затем сообщается, что «правит Суходолом новая, всем чужая барыня», уже «беременная» (III. 144). Очевидно, что, согласно логике этого рассказа, Петр Петрович, отправившись в Севастополь, оставил Клавдию Марковну беременной. Однако внимательный биограф Буниных приводит совсем другие данные об истинных обстоятельствах как женитьбы, так и воинской службы Николая Николаевича Бунина, ставшего прототипом Петра Хрущева. Женился он на Христине Андреевне Волковой в 1851 г. — задолго до начала войны России с соединенными силами главных европейских государств. Сын Петр, однако, родился поздно — только в 1857 г. (дата неизвестна),¹³ а дочь Софья — 25 декабря 1858 г.¹⁴ При этом 65-я дружина Елецкого уезда, где служили оба брата Буниных, была сформирована весной 1855 г., а под Севастополем оказалась «к концу лета 1855 года».¹⁵ Поскольку летом 1855 г. Николай Николаевич

уже не было дома (дружина выдвинулась на юг 15 июля),¹⁶ стать отцом своего первенца, рождение которого пришлось аж на 1857 г., он мог только по прибытии из Крыма. Действительно, как указывается в выданной А. Н. Бунину (отцу писателя) официальной благодарности, елецкие добровольцы вернулись домой 10 августа 1856 г.¹⁷ Сюжет «Суходола» и памятные события из истории бунинского семейства, как видим, находятся в весьма сложных отношениях: художественная установка не просто деформирует, но подчас решительно отворачивает мотивы повести в сторону от их биографической подоплеки, словно переключая их на систему внутрилитературных переключек.

Принимая во внимание то обстоятельство, что Петр Петрович, в отличие от Андрея Болконского, — отчетливо отталкивающий тип, можно прийти к предварительному выводу об инвертировании Буниным не только природы толстовского героя, но и всей художественной мифологии «Войны и мира». Роман Толстого оканчивался национальным триумфом, знаменовавшим, в частности, начало счастливой домашней жизни Пьера и Наташи Безуховых, Николая и Марьи Ростовых.¹⁸ Повесть Бунина, напротив, содержит в своей историософской сердцевине унижающее поражение России в Крыму и начало распада когда-то крепкой семьи. Созданная в 1911 г. «летопись» (таково жанровое определение «Суходола»; III. 162) падения Хрущевых окружена эго-документами, в которых разговор об упадке собственно семейства Буниных ведется в рамках модного в начале XX в. дискурса вырождения. Так, в дневниковой записи от 7 июля 1912 г. читаем: «Перебирали с Юлием сумасшедших, вернее, “тронувшихся”, в нашем роду: дед Ник. Дм., Олимпиада Дмитриевна, Алексей Дм., Ольга Дм., Владимир Дм., Анна Вл. (Рышкова), Варвара Никол. (сестра нашего отца), Анна Ивановна (Чубарова, урожденная Бунина). Впрочем, все они “трогались” чаще всего только в старости».¹⁹

Признавая релевантность такого переосмысления Буниным образного «инвентаря» русской классики XIX в., можно будет прояснить

¹² Толстой Л. Н. Война и мир // Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 9. М., 1937. С. 13.

¹³ Рассуждая скептически, здесь можно допустить, что, учитывая массовость детских смертей у тогдашних мелкопоместных дворян и в частности в семействе Буниных (см. об этом: Бунин Е. А. Раскопки далекой темной старины // Литературное наследство. Т. 84. Кн. 2. М., 1973. С. 228), какой-то первенец, чье имя и факт рождения не попали в семейную хронику, мог родиться и ранее 1857 г. Но, тем не менее, иметь дело приходится лишь с зафиксированными фактами.

¹⁴ Гончаров Ю. Указ. соч. С. 154.

¹⁵ Там же. С. 162.

¹⁶ Там же. С. 164.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Вспомним первый вариант заглавия романа — «Все хорошо, что хорошо кончается».

¹⁹ Устами Буниных: в 3 т. Франкфурт-на-Майне, 1977. Т. 1. С. 130.

семантику и генезис целого ряда деталей как «Суходола», так и ближайших к нему рассказов 1910-х гг., пронизанных общим ощущением печального финала огромной и блестящей эпохи. Предваряя наиболее важные для нас наблюдения, обратим внимание на смысловой луч, который исходит от «Суходола» к «Грамматике любви» (1915) — одному из ключевых произведений, восходящих к семейным преданиям Буниных.

В финале «Суходола» встречаем написанную непосредственно «от автора» сентенцию, смысл которой напоминает мандельштамовскую «тоску по мировой культуре». «Имена наши поминают хроники; предки наши были и стольниками, и воеводами, и “мужами именитыми”, ближайшими сподвижниками, даже родичами царей. И называйся они рыцарями, родись мы западнее, как бы твердо говорили мы о них, как долго еще держались бы! Не мог бы потомок рыцарей сказать, что за полвека почти исчезло с лица земли целое сословие, что столько нас выродилось, сошло с ума, наложило руки на себя, спилось, опустилось и просто потерялось где-то!» (III. 161).

Чуть выше читаем эмпирически-достоверную зарисовку интерьера гибнущей усадьбы: «Долго стоял в прихожей какой-то сундук, в клоках задеревеневшей и лысой тюленьей кожи, которой был обшит он чуть не сто лет тому назад, — дедовский сундук с выдвигаемыми ящичками из *карельской березы* (здесь и далее курсив наш. — К. А.), набитый обгорелыми французскими вокабулами да церковными книгами, донельзя закапанными воском» (III. 160).

Помимо того, что связь цитированных фрагментов неясна, бытописательная детальность второго фрагмента не позволяет на первых порах ощутить символическую значимость включенных в него подробностей, а раз так, то исследователю, ограничившему себя одним только текстом «Суходола», остается резонно счесть второй пассаж лишь очередным вторжением частно-биографического опыта автора в художественный текст. Такой вывод, однако, будет решительно неточен, так как оба эпизода раскрывают свой смысл только в перспективе бунинского письма, метатекстуально ориентированного на классику XIX столетия.

В «Грамматике любви» шедевр книжного собрания помещика Хвоцинского, французская книга Демольера («очень малень-

кая книжечка, похожая на молитвенник»; IV. 50), давшая заглавие рассказу, находится на «средней полке» (IV. 50) одного из двух «шкапчиков», сделанных «из *карельской березы*» (IV. 49). Рядом с нею — «шкатулка, углы которой были обделаны в серебро, потемневшее от времени» (IV. 50). Книга Хвоцинского — средоточие мира влюбленного землевладельца, страницы ее содержат отпечаток души хозяина (концепт «душа» настойчиво повторяется в рассказе), а вся «душевная» концептосфера «Грамматики любви» полемически отсылает к Гоголю, в поэме которого «символом души»²⁰ Чичикова также был «небольшой ларчик красного дерева с штучными выкладками из *карельской березы*». ²¹ Спор с Гоголем строится на убеждении, что создатель «лубочной», по Бунину, прозы проглядел истинно прекрасные черты русской помещицкой культуры, которые остались ему недоступны, и вот сейчас, в 1910-е гг., именно И. А. Бунин станет летописцем исчезающей «дворянской Атлантиды».

Что могло послужить слабой надеждой на ее спасение? Вероятно, синтез европейского («родись мы западнее», «французские вокабулы») и русского («молитвенник», церковные книги, закапанные воском) культурных начал. Культура, гибнущая в Суходоле под неумолимым натиском природы (засуха, грозы, пожар), понимается как *грамматика* — «французские вокабулы» функционально перекликаются в этом отношении с изящными и наивными регламентами любовного чувства из французской книги Хвоцинского. Вокабулы — это листы с двуязычными словарными записями, начальный опыт перевода. Отметим, что тема перевода фундаментально значима в семантической структуре «Грамматики любви», где Ивлев именно «прочитывает» образ Хвоцинского, отразившийся (не менее показательная деталь!) в *переводной* франко-русской книге, содержательная суть которой заключается также в переложении — «переводе» непредсказуемого и бессмысливающего эроса на изысканный язык высокой любви.

Недаром за образами комичных «мадмазель Сизи» и Луи Ивановича, французских учителей суходольских «бар», вдруг возникших в сознании рассказчика, закрепляется идея

²⁰ Такое определение дал шкатулке героя «Мертвых душ» Андрей Белый. См.: Белый А. Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934. С. 44.

²¹ Гоголь Н. В. Мертвые души // Гоголь Н. В. Собр. соч.: в 7 т. М., 1978. Т. 5. С. 8.

Дома, уюта и хоть относительного, но порядка («Пока жили французы в суходольском доме, дом сохранял еще жилой вид»; III. 129). След их пребывания остается в речи одной из обитательниц усадьбы — сумасшедшей Тони, к месту и не к месту восклицавшей: «Où êtes-vous, mes enfants?» (III. 122). Слова бездетной Тони, звучавшие «как голос попугая» (III. 122), символичны: вопрос «где вы, дети мои?» стал определяющим для последнего поколения Буниных-помещиков. Алексей Николаевич, отец писателя, часто повторял, обращаясь к жене: «Разлетается, душа моя, наше гнездо, разлетается...»²² Как и в предыдущих случаях, эпизод с французами и реплика Тони двунаправлены: соответствия им отыскиваются как в бунинских родовых преданиях, так и в обширном литературном контексте. Так, в романе Толстого «Война и мир» есть похожий фрагмент, интонированный, впрочем, прямо противоположным образом: юный Николай Ростов, встретив накануне Аустерлицкого сражения своего друга детства Друбецкого, со смехом напоминает ему слова няньки-француженки, рядом с которыми вопрос бунинской героини воспринимается как вторая часть единого монолога: «Ах ты, *петизанфан*, *але куше дормир!* (Дети, идите ложиться спать', курсив Л. Н. Толстого. — К. А.) — закричал он, повторяя слова няньки, над которыми они смеивались когда-то вместе с Борисом».²³ Отличие очевидно: в веселой реплике Николая отсутствует даже намек на элегичность, играющую, напротив, главную роль в воспоминаниях о Суходоле. Пышно цветущий дом Ростовых, сама фамилия которых является характерной толстовской органицистской метафорой жизни и развития, и гибнущее в неизвестности имение Хрущевых (невозможность *роста* подчеркнута мотивом засухи — «...копали они пруды в каменистом ложе давно иссякнувшей речки Каменки. Но пруды ведь ненадежны — высыхают» (III. 119); отметим и многозначительную переключку имени *Петра* Хрущева с названием реки *Каменка*²⁴) становятся индикаторами кульминации и заката не только сословия дворян, но всей эпохи, ознаменованной фундаментальными национально-культурными задачами. Не будем забывать,

что содержащиеся в рассматриваемых произведениях политические импликации также противопоставлены: Толстой настаивает на успешности интеграции барина и крестьянина, на возможности преобразования условного Пьера в условного же Каратаева; Бунин, отталкиваясь от этого тезиса как от необсуждаемой данности (риторическим пуантом «Суходола» является, как известно, утверждение экономической и биологической общности всех суходольцев: «быт и душа русских дворян те же, что и у мужика»; III. 621), показывает скорее аккумуляцию дворян, имения которых распаиваются мужиками («То место, где стояла луневская усадьба, было уже давно распаханно и засеяно, как распаханна, засеяна была земля на местах многих других усадеб»; III. 161).

Наконец, обратим внимание еще на один пример значительного сходства «Суходола» с «Войной и миром». Речь пойдет о сценах романтического ухаживания Тониного жениха Войткевича, приехавшего в Суходол вместе с молодым барином Петром Петровичем Хрущевым, о эпизодах, опять-таки не только ориентированных на действительно имевшую место историю несчастной любви бунинской тетки Варвары, но и отсылающих читателя к рассказу Толстого о случившемся в доме Ростовых неудачном сватовстве кавалериста Васки Денисова к Наташе.

В обоих случаях перед нами ситуация приезда молодого наследника домой из армии: Николай Ростов возвращается в начале 1806 г. из неудачного австрийского похода, Петра Петровича суходольцы ждут «из полка в побывку» (III. 128). Оба героя привозят с собой своих новых друзей, о которых в семействах ничего не знают. О военном, ставшем прототипом Войткевича, сообщает В. Н. Муромцева-Бунина: «Тетя Варя была не совсем нормальна: заболела после того, как отказала товарищу брата Николая, жениху-офицеру, которому все играла полонез Огинского. А отказав, после его отъезда заболела нервно».²⁵ Эстетической «рамой» для взаимоотношений обеих пар является музыка, а именно игра на фортепиано («Суходол») и на предшественнике этого инструмента — клавиордах («Война и мир»). Решающее объяснение Наташи со своим неудачливым ухажером происходит именно у клавиордов, за которыми Денисов в ожидании вердикта

²² Муромцева-Бунина В. Н. Указ. соч. С. 90.

²³ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 9. С. 291.

²⁴ Ср.: Жемчужный И. С. «Суходол» И. А. Бунина в контексте русской культурной традиции // Вестн. Алтайской гос. пед. акад. 2009. № 9. С. 6.

²⁵ Муромцева-Бунина В. Н. Указ. соч. С. 50.

сидел, «закрыв лицо руками».²⁶ Похожи и сами герои-любовники: они оба чернявы и малорослы. Войткевич был «вроде... калмыка» (III. 126); как «приземистого, темноликого» (III. 135) вспоминает его Наташка, собеседница рассказчика бунинской повести. Денисов же блестел «на испуганную и счастливую Наташу своими агатовыми черными глазами».²⁷ Был он при этом «маленький человечек с красным лицом, блестящими черными глазами, черными взлохмаченными усами и волосами».²⁸ В хронотопах сцен есть, пожалуй, единственное отличие: у Бунина на фортепиано играет героиня, у Толстого — герой. Оба жениха читают своим избранницам стихи: собственного сочинения — Денисов, Жуковского и Лермонтова — Войткевич. Денисов делает юной Наташе предложение, после чего под давлением ее матери жениху отвечают отказом. Тоня отвергает Войткевича сама, причем возможное сомнение в серьезности его намерений отводится словами свидетельницы событий Наташки: «Как любил их Войткевич-то!» (III. 126).

Впрочем, подобно прежним примерам, сходство эпизодов обманчиво. Неудачное сватовство Денисова к Наташе эквивалентно отнесенным к тому же времени (к концу 1806 г.) столь же безрезультатным ухаживаниям демонического героя «Войны и мира» Долохова за Соней — приживалкой в доме Ростовых. Как известно, свою месть за отказ Сони Долохов обрушил на голову Николая Ростова, обыграв его в карты на 43 тысячи рублей (43 — сумма лет Долохова и Сони). Спасением для Николая, совершившего самоубийственный проступок, стало именно возвращение в Дом, который, словно нерушимая твердыня, защищал своих обитателей общей атмосферой счастья. Показательно, что разговор Николая с отцом о выплате карточного долга происходит одновременно с беседой Наташи с матерью о необходимости отказать Денисову: «В то время как отец объяснялся с сыном, у матери с дочерью происходило не менее важное объяснение».²⁹ Терапией для Николая стало пение его сестры Наташи, наделенной способностью понимать других, когда «слова излишни, потому что все причастны к общей жизни»:³⁰ она без всяких

слов «с своей чуткостью... мгновенно заметила состояние своего брата»³¹ и, вовлекая его в исполнение баркаролы, невольно убедила в том, что «всё вздор! Можно зарезать, украсть и всё-таки быть счастливым...»³² Отвергнутые женихи, безотносительно к их личным качествам, лишь подтверждают незыблемость Дома, не подрывают, а, испытывая его границы на прочность, усиливают общее ощущение царящего в нем счастья.

Лейтмотивом же «Суходола» являются повторяемые на разные лады слова о распаде семьи, вражда братьев, садившихся за стол «с татарками» (плетками; III. 116), скандалы с Тоней, их общая ненависть к сумасбродному отцу, дожившему только до 45 лет, однако изображенному глубоким стариком. Сюжет в духе Толстого расщепляется эмоциями из романов Достоевского. Не случайно и то, что своеобразная «поэтика» ухаживаний Войткевича, который убил при Тоне бабочку, севшую на крышку фортепиано (III. 122), а также «напугивал» (III. 126) ее «Людмилой» Жуковского, разыгрывая балладного «мертвого жениха»,³³ имеет inferнальный и роковой характер.

Опираясь на результаты сопоставления, можно предположить, что Бунин не столько оспаривал Толстого, сколько в идеологическом смысле стремился показать финал того духовного и эмоционального взлета, который ретроспективно, но необычайно чутко уловил Толстой в эпохе Отечественной войны 1812 г. Однако у этого, в общем, очевидного и предсказуемого направления художественного анализа есть еще один немаловажный — чисто эстетический — аспект. Как кажется, инвертируя ключевые слагаемые эпического сюжета о национальной победе, положенного в основу «Войны и мира», Бунин неявно указывает на исчерпанность не только исторической, но и литературной традиции, наследником и одновременно «завершителем» которой он себя считал. Система исторических аллюзий становится, если это предположение верно, ареной утверждения нового, характерного для мироощущения XX в., типа писательской репутации.

²⁶ Толстой Л. Н. Война и мир. М., 1938. Т. 10. С. 62.

²⁷ Там же. С. 58.

²⁸ Там же. Т. 9. С. 157.

²⁹ Там же. Т. 10. С. 61.

³⁰ Сливницкая О. «Истина в движении»: О человеке в мире Л. Толстого. СПб., 2009. С. 269.

³¹ Толстой Л. Н. Война и мир. Т. 10. С. 59.

³² Там же. С. 60.

³³ Подробно об этом см.: Анисимова Е. Е. Жуковский и Бунин: эволюция образа зеркала в русской литературе XIX — начала XX вв. // Филология и человек. 2010. № 2. С. 66–78.

Kirill V. Anisimov

Doctor of Philological Sciences, Siberian Federal University (Russia, Krasnoyarsk)

E-mail: kianisimov2009@yandex.ru

HISTORIOSOPHICAL POSITION OF I. A. BUNIN OF 1910s PERIOD:
ALLUSIONS TO TOLSTOY IN “SUKHODOL” (a critical essay)

The subject of the study was the historiosophical position of I. A. Bunin in the 1910s, which was in many respects a polemical response to the doctrine of national life formulated by L. N. Tolstoy in “War and Peace”. Comparison is based on the study of story lines representing the situations of an officer’s departure to war and his leaving behind his pregnant wife, as well as the homecoming of the heir of the estate in the company of his friend-officer, who later proposed to one of the ladies of the host family. Both in the structural pattern and on the level of specific detail the elements of the “Sukhodol’s” poetic story-line coincided with the corresponding episodes in the Tolstoy’s novel. The study took into account both the fragmentary differences of the compared story lines, the chronological shifts used by Bunin, who relied both on the Tolstoy’s novel as his source, and the story of his own father and uncle, and the general context of the polemics between Bunin and Tolstoy about the nature and historical rhythms of the evolution of Russia in the beginning — second half of the 19th century.

Keywords: *I. A. Bunin, story “Waterless valley”, L. N. Tolstoy, novel “War and peace”, plot, motive, intertekstualnost*

REFERENCES

- Anisimov K. V. *Tolstovskie motivy v «Sukhodole» I. A. Bunina* [Motives of Tolstoy in I. A. Bunin’s “Sukhodol”]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2009, no. 4 (66), pp. 199–207. (in Russ.).
- Anisimova Ye. Ye. *Zhukovskiy i Bunin: evolyutsiya obraza zerkala v russkoy literature XIX — nachala XX vv.* [Zhukovsky and Bunin: evolution of an image of a mirror in the Russian literature of XIX — the beginnings of the XX centuries]. *Filologiya i chelovek*, 2010, no. 2, pp. 66–78. (in Russ.).
- Baboreko A. K. *Bunin o Tolstom* [Bunin about Tolstoy] // *Yasnopolyanskiy sbornik. Stati i materialy. God 1960-y* [Yasnopolyansky collection. Articles and materials. Year of the 1960th]. Tula: Tulscoe knizhnoe izd-vo Publ., 1960, pp. 129–146. (in Russ.).
- Goncharov Yu. *Vospominaniya Paustovskogo. Predki Bunina* [Paustovsky’s memoirs. Bunin’s ancestors.]. Voronezh: Tsentralno-chernozemnoe knizhnoe izd-vo Publ., 1972. 180 p. (in Russ.).
- Marchenko T. V. *Perepisat klassiku v epokhu modernizma: o poetike i stile rasskaza Bunin «Natali»* [To copy classics during a modernism era: about poetics and style of the story Bunin of “Natali”]. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Ser. literatury i yazyka*, 2010, Vol. 69, no. 2, pp. 25–42. (in Russ.).
- Muromtseva-Bunina V. N. *Zhizn s Buninym. Besedy s pamyatyu* [Life with Bunin. Conversations with memory]. Moscow: Vagrius Publ., 2007. 512 p. (in Russ.).
- Podosokorskiy N. N. *Kartina napoleonovskogo mifa v romane «Bratya Karamazovy»* [Picture of the Napoleonic myth in the novel “Brothers Karamazov”]. Roman F. M. Dostoyevskogo «Bratya Karamazovy». *Sovremennoe sostoyanie izucheniya — Roman F. M. Dostoyevskiy “Brothers Karamazov”. Current state of studying*. Moscow: Nauka Publ., 2007, pp. 98–114. (in Russ.).
- Slivitskaya O. *«Istina v dvizheni»: O cheloveke v mire L. Tolstogo* [“Truth in the movement”: About the person in the world]. St. Petersburg: Amfora Publ., 2009. 443 p. (in Russ.).
- Spivak R. S. *Russkaya derevnya v izobrazhenii I.A. Bunina i L. N. Tolstogo* [The Russian village in I. A. Bunin and L. N. Tolstoy’s image]. *Vestnik MGU*, 1969, Ser. X. Filologiya, no. 3, pp. 41–48. (in Russ.).
- Ustami Buninykh* [Bunin’s lips]: Vol. 1. Frankfurt am Main: Posev Publ., 1977. 367 p. (in Russ.).
- Yeliseev N. L. *Bunin i Dostoyevskiy* [Bunin and Dostoyevsky]. I. A. Bunin: Pro et contra. St. Petersburg: Izd-vo Russkogo khristianskogo gumanitarnogo Inst. Publ., 2001, pp. 694–699. (in Russ.).
- Zhemchuzhnyy I. S. *«Sukhodol» I. A. Bunina v kontekste russkoy kulturnoy traditsii* [I. A. Bunin’s “sukhodol” in the context of the Russian cultural tradition]. *Vestnik Altayskoy gosudarstvennoy pedagogicheskoy akademii*, 2009, no. 9, pp. 5–10. (in Russ.).